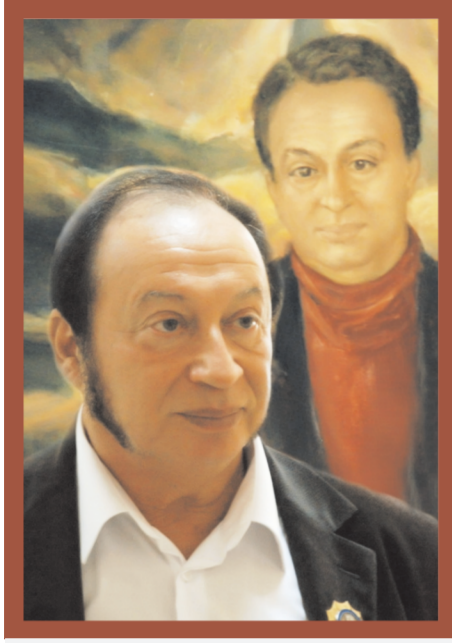

«Новой Немиге литературной» 15 лет!

Место встречи разноликих талантов

Анатолий Аврутин — известный поэт, главный редактор журнала «Новая Немига литературная», участник Форума русскоязычных писателей зарубежья.

В минувшем, юбилейном для поэта году он был удостоен орденом Лермонтова и «Культурное наследие», медали им. Ивана Ильина «За развитие русской мысли», других наград.

Анатолий Аврутин — член редакционных коллегий многих литературных журналов: «Балтика», «Дон», «Невский альманах», «Подъём», «Русский писатель»... Его стихи опубликованы в русскоязычных изданиях Австралии, Австрии, Болгарии, Германии, Чехии, США, Молдовы, Украины, Узбекистана. Книжка избранного «Золото на черни» вышла в Германии, а двухтомник «Времена» — в Санкт-Петербурге.

Прежде чем начать разговор о судьбе единственного в Беларуси журнала русской литературы «Новая Немига литературная», хочется поздравить Анатолия Юрьевича с присуждением международной премии «Литературный европеец», учреждённой издающимся в Германии одноимённым журналом совместно с Союзом русских писателей этой страны. Премия — ещё одно свидетельство того, что творчество поэта заслужило авторитет далеко за пределами Беларуси. В первую очередь, разумеется, в России. А совсем недавно популярный журнал «Юность» открыл номер пространной подборкой творчества Анатолия Аврутина, предвадив её авторским эссе о поэзии и цветным портретом поэта на всю вторую полосу обложки. Такой чести удостоиваются весьма немногие.

Итак, наш собеседник — Анатолий Аврутин.

— Спасибо за поздравление! Все награды и премии воспринимаю в качестве оценки уровня всей русской литературы Беларуси, которую у себя дома многие, к сожалению, продолжают считать чем-то второстепенным по отношению к тому, что создается на белорусском языке. Один критик со страниц газеты творческой интеллигенции страны «Літаратура і мастацтва» («Литература и искусство») однажды так и заявил: мол, что бы вы на русском языке здесь ни написали, ваше творчество всё равно останется вторичным, ибо создано на «мове» чужого государства... Не так однозначно, но весьма схоже по смыслу выражаются и многие другие ответственные в стране за литературу люди...

Позволю себе весьма показательный пример. Ещё в свою бытность первым секретарем правления Союза писателей Беларуси я по долгу службы как-то посетил посольство одной из дружественных нам Бал-

канских стран. Меня очень любезно приняла первая секретарь посольства, превосходно говорившая по-русски. В какой-то момент она спросила: «А кого из молодых белорусских писателей вы считаете наиболее одарённым?» Я осторожно ответил вопросом на вопрос: «Вы имеете в виду только тех, кто пишет по-белорусски или всех?» Собеседница удивлённо захопала ресницами: «Разумеется, всех... Иначе это апартеид... В Европе за такое Милошевича судили...»

— «Новая Немига литературная» выходит в свет уже полтора десятилетия, обретя весомый авторитет не только на родине, но и среди литераторов всего большого Русского мира. Засчёт чего он живёт?

— Не имея государственного финансирования, мы вынуждены рассчитывать лишь на учредителей и подписчиков. Первым нашим учредителем был Институт современных знаний, ректор которого, член-корреспондент Академии наук Беларуси Александр Михайлович Широ-

ков сам писал стихи. Впрочем, надолго возможностей института не хватило и он от учредительства отказался... Простаивали...

Потом руку помощи журналу протянуло издательство «Технопринт» в лице своего директора Антона Петровича Аношечко. Дела пошли неплохо, но Антон Петрович скоропостижно ушёл из жизни, издательство рухнуло, и мы снова оказались в трудной ситуации. Слава Богу, нас поддержало издательство «ВитПостер»...

Сегодня «Немига...» едва ли не единственный на постсоветском пространстве самофинансируемый журнал. Правда, для этого пришлось пойти на жесточайшие ограничения: резкое сокращение штата, повышение подписной цены и другие меры, которые принято именовать непопулярными...

Анна ВАСИЛЬЕВА
Автор четырёх поэтических сборников, член Союза писателей Беларуси. Постоянный автор «Новой Немиги литературной». Живёт в Минске.

Привыкает мама жить одна...
Собеседники —
лишь Тютчевда Толстой...
За стеной скрипит в ночи сосна.
Дом без папы — грустный и пустой.

На крыльце сидит погожим днём,
Солнце гладит кисти тихих рук.
Жизнь — воспоминания о нём —
Вот нехитрый старческий досуг.
Вечером звонки, как трели птиц,
Только споров нет до хрипоты...
И в чертах родных любимых лиц
Видит мама папины черты.

Есть незаменимые у всех...

Он не был бокалом вина
Игристого и дорогого,
Что залпом осушишь до дна.
Он терпкого вкуса, другого...
Глотками цедила я смесь
Бессонниц тягучих и страсти.
Он выпит до капельки весь...
Бокал разлетелся на части,
Но вкус на губах до сих пор
Напомним тот крепкий напиток —
Настой примирений и ссор,
А солнце осеннее — слиток
Тех чувств золотых всё бледней,
Всё меньше тепла, меньше света...
Бреду по аллеям теней
Я в поисках сна и ответа.

Знаешь, а я изменилась! Не веришь?
Так приезжай, на меня посмотри...
Пару пролётов, застынешь у двери...
Я отворю, прошептав: «Раз, два, три...»
И улыбнусь, но улыбка другая,
Чуть отстранённая: «Ты? А зачем?
Стала красивее? Просто чужая!
Кофе? Ты пишешь?» —
и нет больше тем...
Форточка хлопнет, я вздрогну,
неволью
Ты прикоснешься щекой к волосам,
Не отстранюсь,
но мне будет не больно,
Если ты взглядом скользнёшь по часам.
Втесной прихожей я прятать не стану
Клетчатый шарф твой, смеясь,
за спиной.
Лишь отступлю потихоньку к дивану,
И нас внезапно накроет волной.
Это цунами! И в лёгкие хлынет
Радость, твой жёлтый букет хризантем

Будет нам солнцем, оно не остынет...
Не изменилась я... Да и зачем?

Из липких лап предутреннего сна
Не вырваться никак, я точно знаю,
Что во дворе проклюнулась весна,
Но на кофейной гуще всё гадаю.

Остаться в снах или сказать тебе,
Что между нами не река — пустыня...
Нет смысла в ожидании, в борьбе
Нет надобности, милый мой, отныне.

Уже бегут ручьи в твоём дворе.
В прочитанной
ненужной всем газете
Всё было новым только в декабре,
Но в ней кораблик рассмотрили дети.

И он плывёт по ручейку к реке!
Вдохнём ли мы в пустыню
жизнь вторую?
Родится ли оазис на песке?..
Я миражами больше не торгую...

Памяти мамы
Бог сыпал снег, забвенья сея,
На чёрные квадраты дёрна,
На крыши ветхие, хмелея,
Летели вниз снежинки-зёрна.
Росли прозрачные побегги,
К земле тянулись с крыш покатых,
И однотононость зимней стужи
Стереть не может след разлуки...
Наш тёплый круг всё уже, уже...
Илишь во сне я слышу звуки
Любимых голосов сквозь выгогу:
«Да, ты не веяшь, чёрный ворон!»
Подамка мечется по лугу,
Бог сеет тучи грустных зёрен...
Весенние вальсы и танго июля,
Осенние блюзы, ноктюрны зимы...
Тоска притаилась за складками тюля,
И музыку больше не слышали мы.
К нам тонкие руки деревьев тянули,
Пытаясь окно приоткрыть
в шумный мир,
Но замерли звуки и ноты уснули,
И клавиши дной поистерлись до дыр.
«Привычка, не больше!» —
сказали с тобою...
Звенит тишина и вздыхает пальто,
Забуды прогулки осенней порою,
Минорное тянем последнее «до».

В Хорном листопад,
как будто в храме служба.
Торжественный хорал высоких голосов.
Всю жизнь спешил — и никуда не нужно,
На лавочку присядь. Ты к вечности готов.
И непонятно, что тебя
чуть-чуть колышет,
Как будто речка Снов баюкает паром.
Ты — неизвестно кто. Случайно здесь.
Так вышло,
Что где-то жизнь прожил,
казавшуюся сном.
Ты думал, жизнь — стихи,
а оказалась — проза.
И если вспоминать — не знаю,
чем помочь.
Вот только путь сюда... И чёрная берёза.
К концу судьбы своей она озолотилась,
Да только вот кора по-прежнему чёрна.
Ты ждал, что жизнь твоя
немного посветлеет,
И в близкий свой успех поверил ты
почти.
Ждать в жизни перемен —
напрасная затея —
И чёрная берёза на пути.
Ах, чёрная берёза... Собирался
Послушать ты торжественный хорал.
В Хорном листопад.
Ждал этого он часа —
Но память, будто обереги,
Хранит багровые закаты.
И однотононость зимней стужи
Стереть не может след разлуки...
Наш тёплый круг всё уже, уже...
Илишь во сне я слышу звуки
Любимых голосов сквозь выгогу:
«Да, ты не веяшь, чёрный ворон!»
Подамка мечется по лугу,
Бог сеет тучи грустных зёрен...
Весенние вальсы и танго июля,
Осенние блюзы, ноктюрны зимы...
Тоска притаилась за складками тюля,
И музыку больше не слышали мы.
К нам тонкие руки деревьев тянули,
Пытаясь окно приоткрыть
в шумный мир,
Но замерли звуки и ноты уснули,
И клавиши дной поистерлись до дыр.
«Привычка, не больше!» —
сказали с тобою...
Звенит тишина и вздыхает пальто,
Забуды прогулки осенней порою,
Минорное тянем последнее «до».

Вот только путь сюда... И чёрная берёза.
К концу судьбы своей она озолотилась,
Да только вот кора по-прежнему чёрна.
Ты ждал, что жизнь твоя
немного посветлеет,
И в близкий свой успех поверил ты
почти.
Ждать в жизни перемен —
напрасная затея —
И чёрная берёза на пути.
Ах, чёрная берёза... Собирался
Послушать ты торжественный хорал.
В Хорном листопад.
Ждал этого он часа —
Но память, будто обереги,
Хранит багровые закаты.
И однотононость зимней стужи
Стереть не может след разлуки...
Наш тёплый круг всё уже, уже...
Илишь во сне я слышу звуки
Любимых голосов сквозь выгогу:
«Да, ты не веяшь, чёрный ворон!»
Подамка мечется по лугу,
Бог сеет тучи грустных зёрен...
Весенние вальсы и танго июля,
Осенние блюзы, ноктюрны зимы...
Тоска притаилась за складками тюля,
И музыку больше не слышали мы.
К нам тонкие руки деревьев тянули,
Пытаясь окно приоткрыть
в шумный мир,
Но замерли звуки и ноты уснули,
И клавиши дной поистерлись до дыр.
«Привычка, не больше!» —
сказали с тобою...
Звенит тишина и вздыхает пальто,
Забуды прогулки осенней порою,
Минорное тянем последнее «до».

Автограф
Ждёт смерти друг. Моей. Она в цене.
Не то что поэтические строфы.
Умру — продаст принадлежавший мне
За доллары гагаринский автограф.

Я помню снег. Да, снег лепил в горах.
Сторожка просянчилась из метели.

Юрий ФАТНЕВ
Родился в 1938 году на Алтае. В разные годы жил в Монголии, Украине, Казахстане, России. Автор многих поэтических сборников, изданных в Алма-Ате, Москве, Минске, Гомеле, Туле, романа «У эха нет лица». Живёт в Гомеле.

Брёл мой отец. Был тяжёлый каждый шаг.
Двенадцать километров по ущелью.

А на столе, рассеивая мрак,
Свеча горела ярче, чем лучина.
Ещё не знал, что пишет Пастернак,
Но эту сам слепил я из вошчины.

Да, брёл отец. Всё тяжелее шаги,
А в мыслях: «Как обрадуется Юра!
Мальчишке, сочинявшему стихи,
Прислал письмо Гагарин
с Байконура».

Как будто слава мировая вдруг
Меня в ущелье Каменном коснулась.
Тот огонёк свечи давно потух,
Шёл снег, и звёзд не разглядела юность.

Я о своих успехах помогал.
Уж нет сторожки в Каменном ущелье.
За жизнь свою я не слепил свечу,
Какая б вечность на столе горела.

Ждёт друг, когда наступит мой конец.
Не за него, а за себя мне стыдно.
Бредёт сквозь снег умерший мой отец,
А огонька свечи моей не видно.

Я не слеплю свечу свою теперь,
И никакая слава мне не светит.
Но «Почта космонавтов СССР» —
Я различаю штемпель на конверте.

Шарманка
Если беды
быют под дых безбожно,
А таланта выжить — кот наплакал,
Остаётся инструмент несложный,
Грустная, как эта жизнь, шарманка.

Чем сидеть за верстаком в кутузке
Или грабить возле моря дачи,
Я сыграю, говоря по-русски,
В этот ящик.

Побреду с шарманкой по Европе,
Побреду, седой, по белу свету...
Есть в России место дикой злобе —
Места нет в Отечестве поэту.

Африка, Америка услышит,
И со мной заплачет Ориноко.
Может быть, в сиятельном Париже
Отзовется чья-то собачонка.

В первобытных джунглях людоеды
Станутopalочнее, быть может.
А Россия... кинется по следу,
Чтоб мою шарманку уничтожить!

Глеб АРТХАНОВ
Родился в 1954 году, окончил Минское суворовское училище и Белорусский политехнический институт. Автор нескольких поэтических книг, член Союза писателей Беларуси и Союза российских писателей.

Юродивый
А он о своём
всё рассказывал детстве, —
Как мама его укрывала
Бессильно и нежно
от будущих бедствий
И прятала под покрывало.

И он до сих пор,
если что-то случилось
В грозных годах, как обычно, —
Отчаянно к маме в могилу стучался
И слышал ответ горемычный.

«Сама я на это попала, сыночек.
Мне мама моя говорила,
Что спрячет меня
от озбылости ночи,
И встанет она из могилы.

Но нам не подняться,
сыночек мой милый,
Совсем наша силушка взята,
А ты не поддайся. Хотя и ударит...
И к нам не стучись виновато.

И слабых, и сильных —
их всех утянула
Какая-то хищница паучья.
Господы! — и его-то она обманула,
И не отпускает, и мучит.

Совсем мы увязли,
приклеились к твари,
И жить нам совсем безнадежно.
А ты не поддайся. Хотя и ударит...
Упрись и иди осторожно...

И мне благодатность,
и мне утешенье,
Что ходишь со старой сумою,
Смирненно любое
берёшь подношенья
И в драке со смертью самою...»

Кто ты?
Я давно никто.
Где ты?
Я не знаю.
Щёку мокрые пальто
Холодит по краю.

К месту тропки не найти
Не бывал там сроду.
Никакого на пути
Не встречал народу.

Что ж ты ищешь?
Ничего здесь никто не съест.

Безымянно у него
Имя...
Ветер свищет...

Ни во сне,
Ни наяву
Не сыскаешь дорогу...
Кто ж ты?
Имя назову
Только у порога.

За порогом...
Что там за порогами?
Лиходейство же что и здесь,
Верха нет,
А все низы продроглые, —
Как один и всех не перечеть.

Пусть и я
На тусклой энергетике,
Чем живилось — не понимаю сам.
О восточной позабыл поэтике
И не верю в ад и небесам, —

А бреду здесь, будто по изгарине,
По истлевшим истине и лжи...
Загорлано что есть мочи «барыню»,
Что бь вдали,
Что бь в жив.

Он не понял тогда, что ударили в спину,
А потом не почувал, что это смертельно.
Ведь пути он едва ли прошёл половину,
И ещё не сносил он
свой крестик натальный.

Что ещё до удара убил, не почувал,
За спиной всё решилось,
Решилось залого.
Он не верил, цепляясь,
о прошлом тоскую,

Но забыли
Без жалости и кривотолков.

А потом и посыпалось, и покатилося,
И рассыпалось слепо,
Как азбука Морзе.
И тогда-то припомнилось...
Будто приснилось...
А удар этот, в общем,
пришёлся на пользу.

Всё давно раскропилось,
что встарь каменело,
И бездомность
всёслепую трезвость пророчит,
И бездумье втекает в прозрачное тело,
И цветут купола, и садом не сорочит.